

ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 235.3

Семейные ценности в «Страстях святых Перпетуи и Фелицитаты»*А. В. Каргальцев*

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48

Для цитирования: *Каргальцев А. В.* Семейные ценности в «Страстях святых Перпетуи и Фелицитаты» // Вопросы теологии. 2024. Т. 6, № 4. С. 586–595.
<https://doi.org/10.21638/spbu28.2024.403>

Статья посвящена анализу семейных привязанностей в раннехристианском тексте «Страсти святых Перпетуи и Фелицитаты». Рассматривается традиционный для христианского миропонимания конфликт между ценностями римской семьи и христианской веры. Данная проблема отражена во многих агиографических памятниках ранней Церкви, однако в «Страстях святых Перпетуи и Фелицитаты» отражены все грани ценностного конфликта: мученица выступает как жена, мать, дочь и сестра. Вопреки устойчивому представлению, согласно которому христианские герои порывают со своими привязанностями ради веры, в статье показано, что в действительности речь идет об очень сложном комплексе взаимоотношений, в центре которого лежит идея христианской любви к родным. Героиня использует свое мученичество как форму проповеди, которая должна убедить членов семьи присоединиться к Церкви и даже спасти от посмертных мучений тех из них, кто уже умер. Памятник указывает, что такая миссия может быть вполне успешной, и даже те из родственников, кто изначально противостоял героине и призывал ее спасти жизнь через отречение от веры, переживают нравственное перерождение. Таким образом, задачи агиографической литературы могут пониматься не только в свете утешения членов Церкви перед лицом преследований, но и как своеобразный манифест семейных ценностей для внешней аудитории.

Ключевые слова: мученичество, раннее христианство, Перпетуя, Карфаген, Римская империя, семья, женщина.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

© Общецерковная аспирантура и докторантура
им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, 2024

Существует известная проблема буквального прочтения и интерпретации гл. 12 Евангелия от Матфея, где обозначен один из аспектов христианской традиции. На вопрос Христа: «Кто Матерь Моя? и кто братья Мои?» — Он отвечает: «Кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат, и сестра, и матерь» (Мф 12:48–50). Для многих членов раннехристианских общин было очевидно, что присоединение к Церкви означает полный и окончательный разрыв с языческим прошлым. Это касалось одновременно всех аспектов социального положения христианина: его места и роли в семье, обществе и государстве.

Так, автор «Жития» Киприана Карфагенского диакон Понтий указывает, что в стремлении будущего епископа отказаться от всего мирского его «не согнули ни страдания тела, ни убеждения жены» (Pont. Vita Сург., 3, 7). Как отмечает А. Д. Пантелеев, «удивление и раздражение магистратов должно было вызывать стремление христиан не только подчинить власти Христа власть императора, но и полностью выйти из подчинения земным правителям, отвергнув римскую иерархию»¹. На вопрос, где его родители, ученик Юстина Гиерак отвечает: «Истинный Отец наш — Иисус Христос, а мать — вера в Него» (Acta Iust. В., 4, 8). Языческий критик христианства Цельс заявляет, что верующие учат «не слушаться отца и своих учителей» (Orig. Contr. Cels., 3, 55)². Героиня «Мученичества Максимы, Секунды и Донатиллы» принимает мученичество, дабы избежать сватовства, поскольку «любит одного Бога» (Pass. Max., Sec. Et Don., 4)³.

Идеал христианской святости также часто выходил за границы традиционных семейных ценностей. Образцом для подражания выступали примеры христианской аскетической и монашеской жизни. В общем перечне почитаемых святых количество семейных пар невелико.

Однако более глубокое знакомство с церковной традицией побуждает воздерживаться от упрощения, когда отречение от семьи предстает как часть церковного учения. Богатый материал здесь дает агиографическая традиция ранней Церкви, где содержатся примеры не только полемики между христианскими героями и их языческими оппонентами, но и реальных взаимоотношений в семьях христиан. Пласт ранней агиографии, несомненно, восходит к традиции достоверных жизнеописаний христианских героев, где представлены драматичные и противоречивые моменты таких отношений⁴.

¹ Пантелеев А. Д. «Я не признаю власти века сего»: мученики и Римская империя // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2022. № 1 (40). С. 24.

² Ярошевская О. И. Взаимоотношения с родственниками в семье мученицы Перпетуи // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2024. № 1. С. 93.

³ Каргальцев А. В. Мученичество Святых Максимы, Секунды и Донатиллы // Мнемон. 2014. Вып. 13. С. 461. Подробнее см.: Каргальцев А. В. Женщины в раннехристианской агиографии: к вопросу о методологии исследования // Мнемон. 2021. Вып. 21, № 1–2. С. 117.

⁴ Пантелеев А. Д. Христианское мученичество: история явления и жанра // Ранние мученичества: переводы, комментарии, исследования / под ред. А. Д. Пантелеева. СПб.: Гуманит. акад., 2017. С. 26.

Особое место здесь занимают «Страсти святых Перпетуи и Фелицитаты»⁵ (далее — «Страсти Перпетуи», «Страсти») — рассказ об аресте, допросе, осуждении и гибели на арене амфитеатра Карфагена в 203 г. группы христианских катехуменов во главе с молодой девушкой Вибией Перпетуей из знатной римской семьи. Как отмечает П. Н. Лебедев, «это сложный по композиции, жанровой природе и содержанию памятник», содержащий как записки самой Перпетуи и ее сомучеников, так и наблюдения со стороны одного или нескольких редакторов текста, которые указывают на сложность взаимоотношений христианской мученицы с членами ее семьи⁶.

Проблеме семейных отношений в «Страстях Перпетуи» посвящена обширная литература; более того, данная проблема отражена сразу в нескольких отечественных работах последних лет. До недавнего времени существовало единственное русскоязычное исследование на эту тему — статья Е. В. Сергеевой. Суть позиции автора заключена в названии работы — «Конфликт идентичностей в “Мученичестве свв. Перпетуи и Фелицитаты”». Исследовательница приходит к заключению, что в агиографическом памятнике описан классический конфликт между христианским и языческим миропониманиями, выраженный в противостоянии Перпетуи и ее отца-язычника, который уговаривает дочь принести жертвы сначала угрозами, пользуясь своим авторитетом главы семейства, а потом мольбами; он даже вызывает к ее материнским чувствам (незадолго до ареста у Перпетуи рождается ребенок), однако она остается непреклонной, поскольку отвергает традиции языческой семьи и принадлежит уже иному — христианскому — миру⁷. Подобного взгляда придерживается и большинство западных комментаторов памятника⁸. С выводами Е. В. Сергеевой трудно не согласиться, однако вновь отметим, что рассматриваемый источник многоплановый, а конфликт с отцом — не единственный в тексте.

Несколько иного взгляда придерживается П. Н. Лебедев. Он осторожно указывает на несостоятельность выводов предшественников в силу разных

⁵ Здесь и далее текст цитируется по: Страсти святых Перпетуи и Фелицитаты // Ранние мученичества. С. 209–248.

⁶ Лебедев П. Н. Мученица в кругу семьи: «Страсти свв. Перпетуи, Фелицитаты и их сомучеников» и римские семейные ценности // Новый исторический вестник. 2023. № 1 (75). С. 76.

⁷ Сергеева Е. В. Конфликт идентичностей в «Мученичестве свв. Перпетуи и Фелицитаты» // Вестник РГГУ. Сер. Исторические науки. История / *Studia classica et mediaevalia*. 2013. № 17 (118). С. 48.

⁸ *Dronke P.* Women writers of the Middle Ages: A critical study of texts from Perpetua to Marguerite Porete. Cambridge: Cambridge University Press, 1984; *Bradley K.* Sacrificing the family: Christian martyrs and their kin // *Ancient Narrative*. 2003. Vol. 3. P. 150–181; *Rhee H.* Early Christian literature: Christ and culture in the second and third centuries. New York: Routledge, 2005; *Henten J. W., van.* The Passio Perpetuae and Jewish Martyrdom: The motif of motherly love // *Perpetua's Passions: Multidisciplinary approaches to the Passio Perpetuae et Felicitatis* / eds J. N. Bremmer, M. Formisano. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 118–133; *Heffernan T. J.* The Passion of Perpetua and Felicity. Oxford; New York: Oxford University Press, 2012.

причин: во-первых, их категоричности; во-вторых, стремления увидеть в памятнике какой-то единственный конфликт, что заставляет концентрироваться именно на конфликте Перпетуи с отцом; в-третьих, апелляции к некоему абстрактному идеалу патриархальной римской семьи, в то время как реальные отношения между близкими всегда разнообразны и далеки от идеала. Автор заключает, что героиня «в своих тюремных записях не отрицает и не отвергает семейную идентичность, глубоко переживает из-за конфликта с отцом, проявляет заботу о ребенке, матери и младших членах семьи»⁹.

В целом эта позиция наиболее близка нашему пониманию текста, однако П. Н. Лебедев концентрирует внимание на социальной стороне дела, и героиню могла бы заменить любая другая «преступница», не обязательно христианская, которая по своим убеждениям отказалась пойти на уступки властям, однако сохранила человечность, любовь и привязанность к своим близким. Полагаем, что заложенный в отношениях с семьей религиозный смысл трудно проигнорировать без утраты понимания общего контекста произведения.

Наконец, попытка охватить всю сложность человеческих отношений в «Страстях Перпетуи» предпринята в новейшем исследовании О. И. Ярошевской¹⁰. Она поддерживает точку зрения Л. С. Кобб¹¹, согласно которой различие в описании сцен конфликта между Перпетуей и ее отцом в «Страстях Перпетуи» и в более поздних «Актах Перпетуи» указывает на то, что вмешательство редактора в текст с целью придать ему черты канона агиографической литературы в ранней версии памятника было минимальным¹². Исследовательница также отмечает, что в поздних редакциях исчезают многие сцены внутрисемейного конфликта, не упоминаются видения, связанные с умершим в детстве братом Перпетуи, и многое другое, что приводит к упрощению и однозначности в понимании ценностного конфликта как прямого противостояния христиан и язычников.

Членов семьи Перпетуи, с которыми взаимодействует героиня, можно разделить на две группы: на тех, кто не вызывает у нее тревоги (мать, взрослый брат, тетка), и тех, с кем происходит конфликт или кто нужда-

⁹ Лебедев П. Н. Мученица в кругу семьи. С. 82.

¹⁰ Ярошевская О. И. Взаимоотношения с родственниками... С. 93–108.

¹¹ The Passion of Perpetua and Felicitas in Late Antiquity / ed. by L. S. Cobb. Oakland: University of California Press, 2021. P. 71–96.

¹² Ярошевская О. И. Взаимоотношения с родственниками... С. 97. См. также: Habermehl P. Perpetua und der Ägypteroder Bilder des Bösen im frühen afrikanischen Christentum: Ein Versuch zur Passiosanctarum Perpetuae et Felicitatis. 2., überarb. Aufl. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2004. S. 207; Cobb L. S. Dying to be men: Gender and language in early Christian martyr. New York: Columbia University Press, 2008. P. 94. Как отмечает Э. П. Нолан, греко-римская литература не содержала достойных примеров героинь — мучениц за религиозную или философскую идею, поэтому редактору ранней версии «Страстей Перпетуи» было не на что опереться, чтобы придать тексту «правильный» смысл (Nolan E. P. Cry out and write: A feminine poetics of Revelation. New York: Continuum, 1994. P. 34).

ется в помощи и заботе с ее стороны (отец, умерший брат, ребенок Перпетуи). Довольно интересную концепцию предлагает Х. Баркман, рассматривая поведение христианских героинь с точки зрения их ролевой модели в социуме (жена, мать, дочь и пр.), заключая, что даже если автор агиографических текстов желал представить свою героиню свободной от ее социальных обязанностей, сделать это полностью было невозможно в силу самой логики повествования, и менялся только контекст их социальных ролей¹³. Проще говоря, мать в агиографических текстах остается матерью, жена — женой и т. д.

В конце текста «Мученичество Мариана и Иакова» появляется мать Мариана, которая радуется мученичеству своего сына, «подобно матери Маккавеев» (*Pass. Marian. et Iac.*, 13, 1). В «Мученичестве Монтана и Луция» Квартилозия следует за своим мужем-мучеником и также получает видение как обетование грядущего мученичества (*Mart. Mont.*, 8). В этом отношении Перпетуя, безусловно, рассматривается с нескольких сторон: она молодая мать, недавно родившая ребенка, и жена (хотя это ее качество в памятнике никак не представлено); она дочь, отец которой умоляет ее принести жертвы; наконец, она сестра, один из братьев которой умер в юном возрасте, а воспоминания о нем для героини очень важны.

Представляется, что беспокойство Перпетуи связано не с разгорающимся конфликтом внутри семьи, а с тем, что она, обретя христианскую веру, думает о спасении и вечной жизни, участниками которой, несомненно, хочет видеть и своих домочадцев. Примечательно, что по этой причине Перпетуя не беспокоится за мать, взрослого брата и тетку. Христианский статус этих героев не определен, что скорее косвенно указывает на то, что они не были крещены. Однако и сама Перпетуя принимает крещение в ходе описываемых событий. Более того, из текста мы узнаем, что ее взрослый брат «тоже был катехуменом» (*Pass. Perp.*, 2, 2), а из остальных членов семьи никто «не был бы обрадован» ее мученичеством. Это косвенно указывает на то, что перечисленные домочадцы как минимум сочувствовали христианской вере¹⁴.

Появление младшего брата Динократа, умершего в шестилетнем возрасте от рака лица (*Pass. Perp.*, 7, 5), представляется в высшей степени случайным. Упоминание о нем несколько раз появляется в тексте, и в целом ему посвящены две главы памятника (*Pass. Perp.*, 7–8), что указывает на значимость этого сюжета для всего произведения. Перпетуя неожиданно вспоминает его в молитвах по имени (*Pass. Perp.*, 7, 1). Как отмечает П. Хабермель, молитва за умерших на рубеже II–III вв. — явление не уникальное, но довольно редкое; неважно, кому принадлежит идея упомянуть эту деталь — редактору или самой Перпетуе, но такое упоминание указывает на то, что воспоминания о давно умершем брате являются не частью обя-

¹³ *Barkman H.* Female identity and agency in the cult of the martyrs in Late Antique North Africa: PhD Thesis in Religious Studies. Ottawa: University of Ottawa, 2016.

¹⁴ *Shewring W.H.* The Passion of ss. Perpetua and Felicity mm. London: Sheed and Ward, 1931. P. XIII; *Heffernan T.J.* The Passion of Perpetua and Felicity. P. 22–28.

зательной церковной ритуальной практики, а искренним переживанием героини¹⁵.

Существует точка зрения, согласно которой вера в возможность помогать умершим была следствием влияния монтанизма, однако это не объясняет того, что Перпетуя впервые за долгое время вспоминает в молитвах своего родного брата¹⁶. Далее он является ей во сне, грязный и бледный, с язвами на лице от его болезни, выходящий из темноты в месте, где очень жарко (Pass. Perp., 7, 4–5). Мальчик тянется к бассейну с водой, желая напиться, и проснувшись Перпетуя понимает, что он жестоко страдает (Pass. Perp., 7, 7). После ее молитвы Динократ является ей вновь, чистый телом, хорошо одетый, исцеленный от своих ран, и Перпетуя понимает, «что он освобожден от страдания» (Pass. Perp., 8).

По мнению Ж. Ле Гоффа, данное описание является одним из первых известных свидетельств о вере в чистилище, но другие авторы оценивают этот эпизод несколько иначе¹⁷. По мнению Т. Хеффернана, в эпизоде с чудесным воспоминанием в молитве о брате используется та же риторическая фигура, которой в Новом Завете отмечаются чудеса и всевозможные необычные явления¹⁸. Иными словами, актором в данном эпизоде выступает не Перпетуя, но сам Бог, который дает ей чудесное видение и делает ее инструментом искупления членов ее семьи.

Примечательно, что история Динократа опущена в позднейших «Актах Перпетуи», очевидно, по доктринальным соображениям¹⁹. Это затруднение описывает Августин; по его мнению, заступничество Перпетуи стало возможным потому, что Динократ был крещен; причиной же мучений был грех идолопоклонства, совершенный мальчиком под влиянием отца-язычника (Aug. Deanim. et eiusorig., I, 12). Августину возражал Виктор Витенский, ссылавшийся на историю Динократа как на пример, свидетельствующий о необходимости молиться за некрещеных младенцев. Позиция Августина, согласно которой Динократ был крещен в детстве, поддерживается в историографии, хотя в тексте прямо говорится, что единственным креще-

¹⁵ Habermehl P. Perpetua und der Ägypter... S.82. Аналогичный сюжет содержится в апокрифических «Деяниях Павла и Феклы», упоминаемых Тертуллианом, где умершая дочь языческой царицы Трифены является во сне матери и просит ее позаботиться о христианке Фекле, молитвами которой она будет «допущена в обитель упокоения праведных» (Act. Paul. et Thecl., 28).

¹⁶ Как замечает Т. Д. Барнс, веру отдельных христиан в возможность спасти умерших «трудно интерпретировать в каком-либо строго ортодоксальном смысле»: Barnes T. D. Tertullian: A historical and literary study. Oxford: Clarendon Press, 1971. P. 77–78. См. также: Klawiter F. The role of martyrdom and persecution in developing the priestly authority of women in Early Christianity: A case study of Montanism // Church History. 1980. Vol. 49. P. 257–258; Cox Miller P. Dreams in Late Antiquity: Studies in the imagination of a culture. Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 174.

¹⁷ Le Goff J. La naissance du purgatoire. Paris: Gallimard, 1981. P. 49–51.

¹⁸ Heffernan T. J. The Passion of Perpetua and Felicity. P. 23.

¹⁹ Trumbower J. A. Rescue for the dead: The posthumous salvation of Non-Christians in Early Christianity. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 89.

ным членом семьи была Перпетуя (Pass. Perp., 5, 6)²⁰. Данная полемика свидетельствует о том, что эта часть «Страстей Перпетуи» была безупречной с точки зрения христианского назидания и потому отсутствует в позднейших версиях. Тем не менее в исследуемом памятнике мученица выступает инструментом божественного спасения для членов своей семьи.

Конфликт с отцом, как уже отмечалось ранее, достаточно подробно разобран в исследовательской литературе. Казалось бы, отец выступает главным антагонистом героини, склоняя ее к отречению — «движимый любовью» (Pass. Perp., 2, 2). Использованный в тексте глагол *cupiret* имеет негативную коннотацию в раннехристианской латинской литературе. Тертуллиан подробно разбирает термин *cupiditas*, указывая, что речь идет о греховной страсти и вожделении к чему-то, которая приводит к самым разнообразным человеческим грехам (Tert. De pat., 7, 5)²¹. Отец присутствует на суде, терпит унижение на глазах дочери (Pass. Perp., 6, 5); наконец, накануне суда называет ее «уже не дочерью, но госпожой» (Pass. Perp., 5, 5).

Этот эмоциональный эпизод достаточно труден для интерпретации. Исследователи видят здесь либо очень точную психологическую сцену отношений отца и дочери, полностью переворачивающую традиционные семейные отношения²², либо, напротив, свидетельство отсутствия жестких патриархальных правил в римских семьях вопреки абстрактным и идеальным представлениям²³. Однако в логике христианского текста понимание может быть иным. Примечательно, что обращение «госпожа сестра» от некоего анонимного брата, атрибуция которого, по мнению исследователей, не представляется возможной, уже звучит в тексте: «Госпожа сестра, ты уже достигла такого высокого положения, что если ты попросишь видения, то откроется тебе, случится ли страдание или свобода» (Pass. Perp., 4, 1). Отметим, что в других местах обращение «госпожа» не встречается.

Данное упоминание свидетельствует не только о наличии у Перпетуи абстрактного пророческого дара, но и о том, что она выступает неким важным инструментом в руках Божьих. Уже в середине III в. наличие пророческого сна будет в Северной Африке обязательным условием для признания смерти христианина мученичеством, о чем свидетельствует вся известная нам агиографическая литература. Здесь мы видим, что сны выполняют роль высшей санкции, в которой проявляется божественная воля.

Дальнейшая судьба отца Перпетуи неизвестна. Однако он приносит покаяние перед дочерью, а после сразу претерпевает мученичество, побиваемый палками во время суда над ней (Pass. Perp., 6, 5). Этот эпизод, вновь

²⁰ Leal J. Nota Martyrologica: el sueño de Dinócrates en la “Passio Perpetuae” y las fuentes de la “Passio Fabii Vexilliferi” // *Studia Patristica*. Vol. XLV / eds J. Baun, A. Cameron, M. Edwards, M. Vinzent. Leuven; Paris; Walpole: Peeters, 2010. P. 350.

²¹ Подробнее см.: Каргальцев А. В. Терминология богатства и бедности в трактах Тертуллиана // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 2023. № 27 (1). С. 526.

²² Ярошевская О. И. Взаимоотношения с родственниками... С. 99.

²³ Лебедев П. Н. Мученица в кругу семьи... С. 91–92.

с трудом поддающийся интерпретации, поскольку представители сословия декурионов были свободны от телесных наказаний, оставляет надежду на то, что он также позднее примирится с христианством или получит заступничество дочери на небесах, подобно умершему Динократу. Подобное понимание вполне характерно для религиозного буквализма христиан Северной Африки. Неразрывная связь души и тела, на которую ясно указывают Тертуллиан и Киприан Карфагенский, на практике означала, что претерпеваемое телом немедленно отражается на душе, и наоборот. В этом смысле страдания отца Перпетуи можно понимать не как конфликт с дочерью, а как форму очищения на пути к спасению.

Наконец, переживания мученицы дополняют сцены с ее новорожденным сыном, которого она получает в тюрьме и, обессилевшего от голода, кормит молоком (Pass. Perp., 3, 9). Когда отец Перпетуи разлучает ее с сыном, происходит чудо: «По воле Божьей ни сын не захотел груди, ни я не страдала от воспаления, так что я не терзалась из-за отсутствия ребенка» (Pass. Perp., 6, 8). В дальнейшем Перпетуя не беспокоится о младенце, поскольку знает, что он выживет и вырастет в христианской семье (Pass. Perp., 3, 8).

Таким образом, семейные отношения в «Страстях Перпетуи» следует понимать не в контексте борьбы христианской и римской идентичностей, где верующая героиня противостоит родным-язычникам, отвергая семейные привязанности; она, напротив, выступает с позиции ценности семьи, но в христианском понимании, когда ее деяния являются одновременно и проповедью, и инструментом божественных чудес. Трудно сказать, в какой мере это позиция самой Перпетуи, а в какой христианского редактора текста «Страстей», но героиня не уступает просьбам близких и идет на смерть не столько из принципиальных соображений, сколько потому, что ее окружает и укрепляет божественное присутствие; это можно сравнить с харизматическим опытом сторонников «нового пророчества». Возможно, с этим связано недоверие последующих христианских комментаторов и Отцов Церкви, которое привело к цензурированию и правке текста данного памятника.

Наконец, с общей идеей произведения также согласуется отсутствие упоминания о муже Перпетуи, чья судьба остается неизвестной. В историографии высказываются разные точки зрения: либо Перпетуя рано овдовела, либо муж оставил ее. В логике же текста это единственный член семьи, в отношении которого не проявилась Божия милость через деяния и мученичество героини.

Статья поступила в редакцию 15 марта 2024 г.;
рекомендована к печати 23 августа 2024 г.

Контактная информация:

Каргальцев Алексей Витальевич — канд. ист. наук;
<https://orcid.org/0000-0001-9258-467X>, kargaltsev@gmail.com

Family values in the “Passion of Saints Perpetua and Feleccitata”

A. V. Kargaltsev

The Herzen State Pedagogical University of Russia,
48, nab. r. Moiki, St Petersburg, 191186, Russian Federation**For citation:** Kargaltsev A. V. Family values in “The Passion of Saints Perpetua and Feleccitata”. *Issues of Theology*, 2024, vol. 6, no. 4, pp. 586–595.<https://doi.org/10.21638/spbu28.2024.403> (In Russian)

The article is devoted to the analysis of family attachments in “The passion of Perpetua and Felicity” and examines the conflict between the values of the Roman family and the Christian faith, which is traditional for the Christian worldview. This problem is reflected in many hagiographic monuments of the Early Church, however, in “The passion of Perpetua and Felicity” all facets of the value conflict are reflected: the martyr acts as a wife, mother, daughter and sister. Contrary to the persistent notion that Christian heroes break with their attachments in favor of faith, the article shows that in reality we are talking about a very complex relationships, the center of which is the Christian idea of love for relatives. The heroine uses her martyrdom as a form of preaching, which should convince family members to join the church and even save those of them who have already died from posthumous torment. The monument indicates that such a mission can be quite successful, and even those of the relatives who had initially opposed the heroine and urged her to save her life through renunciation of faith experienced a moral rebirth. Thus, the goals and objectives of hagiographic literature can be understood not only in the light of comforting church members in the face of persecution, but also as a kind of manifesto of family values for an external audience.

Keywords: martyrdom, Early Christianity, Perpetua, Carthage, Roman Empire, family, woman.

References

- Barkman H. (2016) *Female identity and agency in the cult of the martyrs in Late Antique North Africa*. PhD Thesis in Religious Studies. Ottawa, University of Ottawa.
- Barnes T. D. (1971) *Tertullian: A historical and literary study*. Oxford, Clarendon Press.
- Bradley K. (2003) “Sacrificing the family: Christian martyrs and their kin”, in *Ancient Narrative*, vol. 3, pp. 150–181.
- Cobb L. S. (2008) *Dying to be men: Gender and language in early Christian martyr*. New York, Columbia University Press.
- Cobb, L. S., ed. (2021) *The Passion of Perpetua and Felicitas in Late Antiquity*. Oakland, University of California Press.
- Cox Miller P. (1994) *Dreams in Late Antiquity: Studies in the imagination of a culture*. Princeton, Princeton University Press.
- Dronke P. (1984) *Women writers of the Middle Ages: A critical study of texts from Perpetua to Marguerite Porete*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Habermehl P. (2004) *Perpetua und der Ägypteroder Bilder des Bösen im frühen afrikanischen Christentum: Ein Versuch zur Passio sanctarum Perpetuae et Felicitatis*. 2., überarb. Aufl. Berlin; New York, Walter de Gruyter.
- Heffernan T. J. (2012) *The Passion of Perpetua and Felicity*. Oxford; New York, Oxford University Press.

- Henten J. W., van. (2012) “The Passio Perpetuae and Jewish martyrdom: The motif of motherly love”, in *Perpetua's Passions: Multidisciplinary approaches to the Passio Perpetuae et Felicitatis*. Eds J. N. Bremmer, M. Formisano, pp. 118–133. Oxford, Oxford University Press.
- Kargaltsev A. V. (2014) “Passio Sanctorum Maximae, Secundae et Donatillae”, in *Mnemon*, no. 13, pp. 455–464. (In Russian)
- Kargaltsev A. V. (2021) “Women in early Christian hagiography: On the issue of research methodology”, in *Mnemon*, no. 21 (1–2), pp. 117–124. (In Russian)
- Kargaltsev A. V. (2023) “Terminology of wealth and poverty in Tertullian's treatises”, in *Indoevropeiskoe iazykoznanie i klassicheskaia filologiya*, no. 27 (1), pp. 520–528. (In Russian)
- Klawiter F. (1980) “The role of martyrdom and persecution in developing the priestly authority of women in Early Christianity: A case study of Montanism”, in *Church History*, no. 49, pp. 251–261.
- Le Goff J. (1981) *La naissance du purgatoire*. Paris, Gallimard.
- Leal J. (2010) “Nota Martyrologica: el sueño de Dinócratesen la ‘Passio Perpetuae’ y las fuentes de la ‘Passio Fabii Vexilliferi’”, in *Studia Patristica*. Eds J. Baun, A. Cameron, M. Edwards, M. Vinzent, vol. XLV, pp. 349–354.
- Lebedev P. N. (2023) “A martyr in the family circle: The ‘Passio Sanctarum Perpetuae et Felicitatis’ and Roman Family Values”, in *Novyi istoricheskii vestnik*, no. 1 (75), pp. 75–95. (In Russian)
- Nolan E. P. (1994) *Cry out and write: A feminine poetics of Revelation*. New York, Continuum.
- Panteleev A. D. (2017) “History of Christian martyrdom as phenomenon and genre”, in *Rannie muchenichestva*. Ed. by A. D. Panteleev, pp. 5–32. St. Petersburg, Gumanitarnaia akademiia Publ. (In Russian)
- Panteleev A. D. (2022) “I do not recognize the empire of this world”: Martyrs and the Roman Empire”, in *Gosudarstvo, religii, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, no. 40 (1), pp. 12–37. (In Russian)
- Rhee H. (2005) *Early Christian literature: Christ and culture in the second and third centuries*. New York, Routledge.
- Sergeyeva E. V. (2013) “The conflict of identities in the martyrdom of Saint Perpetua and Felicitas”, in *RSUH/RGGU Bulletin. Series: Historical Studies. History / Studia classica et mediaevalia*, vol. 118, no. 17, pp. 37–53. (In Russian)
- Shewring W. H. (1931) *The Passion of ss. Perpetua and Felicity mm*. London, Sheed and Ward.
- Trumbower J. A. (2001) *Rescue for the dead: The posthumous salvation of non-Christians in Early Christianity*. Oxford, Oxford University Press.
- Yaroshevskaya O. I. (2024) “Perpetua's relationships with her family”, in *Studia Religiosa Rossica: nauchnyi zhurnal o religii*, no. 1, pp. 93–108. (In Russian)

Received: March 15, 2024
Accepted: August 23, 2024

Author's information:

Alexey V. Kargaltsev — PhD in History;
<https://orcid.org/0000-0001-9258-467X>, kargaltsev@gmail.com